

ции и охочи до обобщений. Отсюда склонность непременно увидеть тенденции даже и тогда, когда речь, возможно, идет о случайных флуктуациях. Но слишком зачастили повторы схожих феноменов: кризис доверия к «грандам» политического процесса, резкие колебания в симпатиях избирателей, запрос на обновление политической сцены при утрате интереса к идеологиям, влечение к несистемным силам и лидерам, прежде маргинальным популистским и (или) националистическим. Похоже, «кардиограмму» не случайно лихорадит, и в некоторых странах региона поистине наметились новые тренды, которые свойственны не только Юго-Восточной Европе, но и европейской политической жизни в целом. Недавняя победа леворадикальной коалиции СИРИЗА на парламентских выборах в Греции — новейшее тому подтверждение.

KANDEL Pavel Efimovich, Cand.Sci.(Hist.), Head of the Center of Ethno-Political and Inter-State Conflicts, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Mohovaja st., 11-3B, Moscow, Russia, 125993; xpekan@yandex.ru)

SUSPICIOUS CARDIOGRAM OR A CRISIS OF CONFIDENCE (elections in the South-Eastern Europe)

Abstract. Elections of 2014 in some states of the South-Eastern Europe have revealed new trends: the rise of the protest voting, a request for an update of the political scene, craving for non-system forces and leaders, mainly the marginal and populist or the nationalist ones. In other states a visible socio-economic disadvantage had no match impact on the electoral process. The author asks whether it is the crisis of confidence in the political class.

Keywords: South-Eastern Europe, elections, new trends

КАЗАДАЕВ Владимир Александрович — аспирант Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (410003, г. Саратов, ул. Радищева, 89; advanced@konsnet.ru)

СТАБИЛЬНОСТЬ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЫ И ВЫБОРЫ В СЛОВАКИИ

Аннотация. В центре внимания автора статьи находится проблема оценки стабильности парламентской системы Словакии в соотношении с качествами ее избирательной системы на протяжении посткоммунистического периода ее истории. В Словакии сложился и функционирует режим министерализма — превалирования исполнительной власти над законодательной в условиях парламентской формы правления. Автор делает вывод о директивной природе относительной стабильности словацкой парламентской системы, основу которой составляют устойчивость предпочтения избирателями доминирующей партии.

Ключевые слова: парламентаризм, выборы, министерализм, Словакия

Одной из центральных проблем посткоммунистического парламентаризма в странах Центральной и Восточной Европы является обеспечение дееспособности, эффективности, стабильности и высокого уровня доверия к парламенту как политическому властному институту, деятельность которого основана на принципах и нормах демократии. В центре нашего внимания находится проблема оценки стабильности парламентской системы Словакии в соотношении с качествами избирательной системы страны на протяжении посткоммунистического периода ее истории.

Временем трансформации республиканских парламентов в полномочные зако-

нодательные органы явился период распада Чехословацкой федерации. Реализация правительством В. Мечьяра программы «Шанс для Словакии» предопределила центральную роль парламента не только в демонтаже коммунистической системы, но и в дезинтеграции ЧСФР [Žvach 2000: 21]. В таких политических условиях национальные советы предприняли ряд шагов, направленных на закрепление за собой центральной роли в структуре республиканских властных институтов.

Выборы 31 сентября – 1 октября 1994 г. открыли новую страницу в истории словацкого государства. Первая официальная каденция Национального совета стала временем установления авторитарного режима В. Мечьяра. Основой «мечьяризма» стали широкие полномочия парламента при его конституционной неспособности отменять решения правительства (ст. 86 Конституции Словакии). Конституционная норма основывается на утверждении принципа разделения властей и исчерпывающе очерчивает круг полномочий парламента. Напротив, правительство, образованное на основе парламентского большинства, получило достаточно широкие возможности влияния на законодательный процесс. При определенных обстоятельствах правящая коалиция могла добиться конституционного большинства в 90 голосов. Можно с уверенностью утверждать, что в Словакии сложился и функционирует режим министриализма – превалирования исполнительной власти над законодательной в условиях парламентской формы правления. При этом уровень квалификации депутатов ненамного отличался от показателей 1992 г. Состав был обновлен на 41% [Krno, Lysy, Krno 2008: 275]. В Словакии режим личной власти стал возможным вследствие подчинения парламента авторитету премьер-министра, не гнушавшегося полукриминальными способами достижения необходимых ему результатов. «Мечьяризм» в сфере парламентской деятельности ограничивал влияние оппозиции путем недопущения ее представителей в основные комитеты. *Grémium* (комитет уполномоченных представителей всех парламентских фракций для предварительного согласования позиций) фактически перестал выполнять свои стабилизационные функции. Кроме того, усилия режима были направлены на раскол оппозиционных парламентских клубов при одновременном запрете депутатам правящей коалиции путем переходов изменять партийную структуру парламента.

Вместе с тем мечьяризм оказался не в состоянии разрушить институциональную систему демократии, поскольку находится в зависимости от нее, но обладал возможностью манипулировать институтами власти. Выборы 25–26 сентября 1998 г. завершились формальной победой ДЗДС (42 места), однако сформированная широкая «антимечьяровская» коалиция 11 политических субъектов получила 91 место, что достаточно для принятия конституционных законов. Несмотря на падение авторитета парламента, в выборах приняли участие более 84% избирателей [Фиш 1999: 3]. Этот факт связан с тем, что единственно возможным инструментом смены режима оказались выборы, что активно пропагандировала «антимечьяровская» коалиция.

Участие широкого спектра партий в правительственной коалиции наделило работу Коалиционного совета и *Grémium* новым политическим смыслом, были возрождены демократические процедуры законодательного процесса. Однако во время правления «антимечьяровской» коалиции не были устранены возможности возрождения мечьяризма без Мечьяра, поскольку те же конституционные и институциональные условия были сохранены. К. Хендерсон не называет мечьяризм разновидностью политического режима, поскольку он исчез вместе с уходом политика с публичной сцены. Она полагает, что после выборов 1998 г. парламентская демократия по-прежнему уязвима, поскольку сохраняются такие атрибуты гибридного режима, как клиентелистские практики, проблемы эффективности государственного управления и национального строительства, а также деградация элит [Henderson 2004: 143].

С этой точки зрения результаты выборов 2006 г., 2010 г. и 2012 г., приведшие в конечном итоге к формированию однопартийного правительства партией – идеологической наследницей мечьяровского ДЗДС, не выглядят чем-то противоестественным для словацкой политической системы.

Вместе с тем за это время произошли определенные институциональные изменения, что заставило исследователей обратить внимание на новые характеристики словацкой политики. Если до 1999 г. Словакия, по типологии О.И. Зазнаева [Зазнаев 2007: 152], однозначно попадала в кластер «парламентские системы», то после 1999 г. — в кластер «полупрезидентские системы». Однако в действительности прямые выборы словацкого президента стали выходом из институциональной ловушки, ранее позволявшей мечъяровскому режиму манипулировать предписаниями о порядке замещения поста президента до вступления в должность избранного законодательной властью главы государства, и не повлекли за собой значимых изменений в распределении полномочий между важнейшими институтами государственной власти [Тарасов 2010: 90].

Б.И. Макаренко по-иному ранжирует посткоммунистические страны. Венгрия и Чехия отнесены им к числу сугубо парламентских государств, Польша заняла место в списке сбалансированных полупрезидентских систем, а Словакию можно обнаружить в кластере «парламентизированные полупрезидентские системы» [Макаренко 2008: 115]. В отношении Словакии неясно, какое определение по существу является первичным — «полупрезидентская» или «парламентаризированная». Формальная логика подсказывает, что словацкая политика изначально являлась полупрезидентской, а затем в ходе институционального развития была парламентаризована. Однако такой вывод эмпирическими данными не подтверждается, скорее, Словакия, будучи парламентской республикой, была президентциализирована [Тарасов 2014: 99].

П.А. Королев в своей диссертационной работе классифицирует посткоммунистические политические системы по соотношению внешних и внутренних факторов демократического транзита, отнеся Словакию к классу «демократических включенных», т.е. политических демократий, находящихся в сфере иностранного влияния [Королев 2013: 13]. При всей спорности предложенной классификации, вероятно, следует обоснованно считать Словакию после выборов 1998 г. демократической политией, а «включенной» — после вступления страны в ЕС и НАТО в 2004 г.

М.А. Завадская провела оценку институционализации выборов в Центральной и Восточной Европе [Завадская 2010]. Ею были использованы 3 компаративных параметра: 1) степень институционализации выборов; 2) формы конвенционального политического участия; 3) стабильность политического порядка. В зависимости от значений по 3 переменным все случаи были разделены на 4 группы (от большей к меньшей степени институционализации выборов). Словакия вошла в 3-ю группу — «новых» и «сравнительно новых» демократий (таких как Португалия и Греция), для которых характерны невысокий уровень институционализации выборов (укорененности и легитимности) и невысокий уровень гражданского участия.

Т. Костелецкий указывает на ряд особенностей электоральной карты посткоммунистической Словакии. Во-первых, влияние социокультурной среды выступает стабилизирующим фактором предпочтений избирателей. Во-вторых, региональные различия объясняются скорее этническими, религиозными или историческими параметрами, чем экономическими факторами. В-третьих, если в Чехии партизация политики ведет к сглаживанию региональных различий, то в Словакии, наоборот, усиливает их [Pink a kol. 2012: 7]. Электоральный ландшафт позволяет вполне определенно идентифицировать словацкие регионы по степени поддержки правых и левых сил. Малые города и значительная часть сел в центральной и западной Словакии отдают предпочтения партии «Путь — социальная демократия» (Путь-СД), высокоурбанизированные области Братиславы и Кошице — либеральным партиям [Pink a kol. 2012: 87].

В. Кривы отмечает, что отличительной чертой парламентских выборов 2012 г. была скоротечность избирательной кампании, вполне определенная консолидация электората партии «Путь-СД» и фрустрация избирателей партий распавшейся правящей коалиции [Slovak elections... 2012: 8]. Из 26 политических субъектов, которые участвовали в выборах 2012 г., 11 были в бюллетенях 2010 г. Наибольшего

успеха из числа вновь образованных партий добилась партия «Обычные люди и независимые личности» (Олано). Аналогично ситуации 2010 г., выборы привели к победе социал-демократов. В 2012 г. «Путь-СД», получив 44,4% голосов и 83 места в парламенте, впервые с 1990 г. стала единственной правящей партией в Словакии. На этот раз, однако, результаты были настолько очевидными, что партии не надо было искать партнеров по коалиции, чтобы взять на себя исполнительную власть. П. Спач полагает, что успех партии «Путь-СД» обусловлен в большей мере протестным голосованием [Spáč 2014: 344]. Самым неутешительным стал результат ДЗДС, которая получила менее 1% голосов.

М. Беблавы и М. Веселкова, исследуя специфику избирательной системы Словакии, опровергают вывод М. Педерсена [Pedersen 1966] о том, что предпочтительное голосование непосредственным образом влияет на персональный состав легислатуры, а вернее, на его обновление [Beblavy, Veselkova 2014: 528]. По мысли словацких исследователей, избиратель имеет слишком мало информации о различиях в политических позициях кандидатов и в этом случае чаще склонен голосовать случайным образом или за действующего депутата. Ранее нами была предпринята попытка анализа электоральной волатильности в Словакии, которая неуклонно уменьшалась, начиная с выборов 1998 г. [Казадаев 2013]. П. Бабош и Д. Малова приводят собственные аргументы, объясняющие стабилизацию предпочтений словацких граждан на примере выборов 2010 г. и 2012 г. [Baboš, Malová 2013]. По их мнению, словацкие политические партии в течение нескольких лет сформировали два устойчивых блока, поэтому волатильность следует рассматривать двояко: между блоками (глубокая волатильность) и внутри блоков (мелкая волатильность) [Kitschelt et al. 1999: 264]. На основе анализа социально-экономических и демографических характеристик, используя не только официальные данные, но и сведения экзит-полов согласно модели логистической регрессии, ученые установили, что, например, венгерское меньшинство более чем в 4 раза более стабильно в своих электоральных предпочтениях, чем другие граждане Словакии. Внутриблоковая волатильность возрастает при повышении таких индивидуальных характеристик, как возраст, образование и материальный достаток. Для словацких партий максимальным электоральным успехом является показатель в 40%, за которым следует спад популярности внутри блока (например, ДЗДС). Достаточно низкая волатильность внутри блока компенсируется волатильностью между блоками, что делает парламентскую систему неустойчивой, характеризующейся перманентными сдвигами электоральных предпочтений и, как следствие, крайней поляризацией политических сил в парламенте.

Если следовать оценкам различных исследователей и экспертов, напрашивается вывод о директивной природе относительной стабильности словацкой парламентской системы, основу которой составляют устойчивость предпочтения избирателями доминирующей партии, что характерно для министерализма. Межпартийные коалиции в Словакии оказываются в большей степени зависимыми от электоральной волатильности, чем доминирующая партия, и потенциально могут дестабилизировать положение парламента в системе политических институтов.

Список литературы

Завадская М.А. 2010. Выборы в Центральной и Восточной Европе: фактор дестабилизации? — *Политическая экспертиза*. № 3. С. 215-231.

Ззнаев О.И. 2007. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 146-164.

Казадаев В.А. 2013. Тенденции развития многопартийности и политического плюрализма в Словакии. — *Власть*. № 9. С. 69-73.

Королев П.А. 2013. *Демократические транзиты на посткоммунистическом пространстве: взаимообусловленность внутренних и внешних факторов*: автореф. дис. ... к.полит.н. Орел: РАНХиГС. 28 с.

Макаренко Б.И. 2008. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации. — *Полития*. № 3. С. 105-125.

Тарасов И.Н. 2010. Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы. — *Политическая экспертиза*. № 1. С. 83-95.

Тарасов И.Н. 2014. Диалектика парламентаризма и президентализма в Центрально-Восточной Европе. — *Политическая наука*. № 1. С. 94-115.

Фиш М.С. 1999. Конец «мечьяризма»? — *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. № 3. С. 3-9.

Baboš P., Malová D. 2013. Preľietaví voliči: Volebná volatilita v parlamentných voľbách medzi 2010 a 2012. — *Evropská volební studia*. № 2. P. 133-145.

Beblavy M., Veselkova M. 2014. Preferential Voting and the Party-electorate Relationship in Slovakia. — *Party Politics*. № 20. P. 521-532.

Henderson K. 2004. The Slovak Republic: Explaining Defects in Democracy. — *Democratization*. Vol. 11. Is. 5. P. 133-155.

Kitschelt H., Mansfeldova Z., Toka G., Markowski R. 1999. *Post-communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-party Cooperation*. Cambridge: Cambridge University Press. 457 p.

Krno S., Lysý J., Krno M. 2008. Narodna rada od zaniku Česko-Slovenska a vzniku Slovenskej republiky po súčasnosť. — *Slovenské národné rady a cesta k parlamentarizmu* (red. Miroslav Pekník). Bratislava: VEDA. 275 s.

Pedersen M. 1966. Preferential Voting in Denmark. — *Scandinavian Political Studies*. № 1. P. 167-187.

Pink M. a kol. 2012. *Volební mapy České a Slovenské republiky po roce 1993: vzorce, trendy, proměny*. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury. 264 s.

Slovak Elections in 2012 (ed. by V. Krivý). 2012. Bratislava: Institute for Sociology of the Slovak Academy of Sciences. 238 p.

Spáč P. 2014. The 2012 Parliamentary Elections in Slovakia. — *Electoral Studies*. Vol. 33. P. 343-346.

Žvach I. 2000. *Historia HZDS*. Bratislava. 95 s.

KAZADAEV Vladimir Aleksandrovich, postgraduate student, Saratov Socio-Economic Institute — the branch of Plekhanov Russian University of Economics (Radischeva str., 89, Saratov, Russia, 410003; advanced@konsnet.ru)

STABILITY OF THE PARLIAMENTARY SYSTEM AND ELECTIONS IN SLOVAKIA

Abstract. The article is focused on the problem of evaluating the stability of the parliamentary system in Slovakia. The author correlates parliamentary system with the quality of the electoral system of the country during the post-Communist period. In Slovakia the regime of ministerialism was established. It is characterized by the prevalence of the executive branch of the authority over the legislature in a parliamentary form of government. The author concludes that the directive nature of the relative stability of parliamentary system in Slovakia is based on the stability of the voter preferences towards the dominant party.

Keywords: parliamentarianism, parliamentary elections, ministerialism, Slovakia